

Н. В. Николаева

ГОСПОДСКИЙ ДОМ М. И. ВОРОНЦОВА НА ПЕТЕРГОФСКОЙ ДОРОГЕ

В 1712 г., после неудачной попытки устройства фонтанов у будущего Константиновского дворца и переноса этой затеи в Петергоф, оживает трасса Петербург – Петергоф. По именному указу Петра I вдоль этой дороги были нарезаны участки земли для строительства «приморских домов». Узкие и длинные участки к концу 1710 г. имели в длину 1 000 саженей, ширину – 100 саженей (около 213 м) и тянулись от Финского залива до Лиговского канала, далее соединяясь с большими Кушелевскими лесами¹.

Низкий берег Финского залива прорезали небольшие речушки; далее к югу, за Петергофской дорогой, начиналась возвышенность до 10 м. На ней-то и строились господские дома для придворных вельмож и знатных особ. Усадебный дом обычно располагался на верхней террасе «лицом» к заливу, за ним – служебные постройки, огороды, сады, далее – лесные уголья и покосы. На скате террасы – парки и сады с партерами, водоемами, оранжереями, гротами, фонтанами, лабиринтами.

Постройка приморских дач оживилась в елизаветинскую эпоху (1741 – 1761), а в екатерининское время (1762 – 1796), по словам восхищенных иностранцев, Петергофская дорога напоминала прелестный переезд из Парижа в Версаль.

Новознаменка – «одна из самых известных частных дач по Петергофской дороге», получившая свое название только в XIX веке, включила в себя пять первоначальных «петровских» дач. Ядром этой огромной усадьбы стали дачи двух братьев, известных деятелей петровского времени Андрея Матвеевича и Петра Матвеевича Апраксиных. В начале 1750-х гг. сын одного из братьев, Федор Андреевич Апраксин, владевший в ту пору обоими участками, продал их Михаилу Илларионовичу Воронцову.

Корни дворянского графского и княжеского рода Воронцовых, к которому принадлежали известнейшие военные и государственные деятели России, уходят во времена Ивана Калиты. Родоначальником фамилии стал Федор по прозвищу Воронец. С его правнука в начале XVI века род начал свое возвышение. Особенно возросла роль этого рода в XVIII и XIX веках².

М. И. Воронцов родился в Москве 12 июля 1714 г. Его отец – Илларион Гаврилович Воронцов (1674 – 1750), начал служить еще при Петре I: стольник, воевода в Ростове Великом и Костроме, сенатор с 1742 г. Мать – Анна Григорьевна, урожденная Маслова (1686 – 1740), была духовной дочерью митрополита Дмитрия Рос-

¹ См.: Старицына Г. К. Дача Воронцовых на Петергофской дороге : По материалам исторической справки // Воронцовы – два века в истории России. СПб., 2000. С. 9 – 16. (Труды Воронцовского о-ва. Вып. 5); Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. СПб., 2002. С. 14 – 15. Далее, за исключением случаев прямого цитирования, отдельные ссылки на основополагающую книгу С. Б. Горбатенко не приводятся.

² См., например: Отечественная история : Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 460 – 461 (Воронцовы).

товского, причисленного позднее к лику святых. Дружба с таким человеком, отличавшимся отменной любовью к книжному просвещению, имела большое влияние на семью Воронцовых. «Ларионич», как любовно называли Михаила Илларионовича, отличался добротой и человеколюбием, был хорошо образован и начитан. Он с 14 лет служил сначала пажом, затем камер-юнкером при дворе Елизаветы Петровны, дочери Петра I. Вместе со своим другом И. И. Шуваловым Михаил Воронцов стоял на запятках кареты цесаревны, когда она ехала в ночь провозглашения ее императрицей в казармы Преображенского полка. Он же вместе с Лестоком арестовывал Анну Леопольдовну с ее семейством, считая, что только дочь Петра Великого достойна занимать трон. За все это он получил звание действительного камергера, был награжден орденом святого князя Александра Невского, стал владельцем богатых поместий.

В январе 1742 г. Михаил Илларионович Воронцов женится на двоюродной сестре Елизаветы Петровны Анне Карловне Скавронской (1723 – 1775). В 1744 г. императором Священной Римской империи он пожалован в графское достоинство Римской империи (в число графских родов Российской империи род Воронцовых был внесен указом 1797 г.) и становится вице-канцлером. Канцлером в то время был очень хитрый и умный дипломат Бестужев-Рюмин. Усиление Пруссии и замысел Фридриха II свергнуть Елизавету Петровну побудили Россию пойти на сближение с Францией. Сторонник Фридриха II, сам женатый на немке, Бестужев-Рюмин оказался в опале и отправлен в Сибирь. М. И. Воронцов в 1758 г. становится канцлером, роль его еще более возрастает.

В начале 1750-х гг. М. И. Воронцов, занимая блестящее место при дворе и сетуя, что «чин и должность по-министерски, а не по-философски жить заставляют»³, начинает строить одновременно дворец в Петербурге (Садовая ул., 26, арх. Растрелли; последовательно Пажеский корпус, Суворовское училище, в настоящее время Кадетское училище) и приморскую дачу на 18-й версте по Петергофской дороге. В 1751 г. в письме к императрице Елизавете Петровне он объясняет: «... правда, я сверх силы моей, не столько для собственной амбиции, как для будущей памяти, начал строение каменного двора»⁴.

В 1752 г. Воронцов приступил к освоению 200-саженного участка: формированию ландшафта, прокладке дорог, устройству прудов. После сноса ветхих строений в западной части бывшей усадьбы Ф. А. Апраксина началось строительство усадебного ансамбля, центром которого станет господский дом М. И. Воронцова, его приморская дача.

Первым архитектором этого строительства был Карло Джузеппе Трезини – зять Доменико Трезини, первого архитектора Санкт-Петербурга. Он работал под началом своего даровитого тестя, но «не обладал ни искусством, ни талантом его»⁵. Несмотря на то, что Джузеппе Трезини много строил, его авторство подтверждено только в галерее, пристроенной к западному крылу здания Двенадцати коллегий и в здании Сухопутного шляхетского корпуса на Васильевском острове. Тем не менее его называют также архитектором церкви во имя Трех Святителей Вселенских на 6-й линии В. О., 11, рядом с Андреевским собором; он принимал участие в строи-

³ Алексеев В. Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. М., 2002. С. 8 – 9, 20 – 21.

⁴ Архив князя Воронцова: В 40 кн. М., 1870 – 1895. Кн. 2. 1871. С. 619. (Далее ссылки на это издание с указанием только книги и страницы даются в тексте).

⁵ История русского искусства: В 6 т. / Под ред. И. Грабаря. М., 1909. Т. 3. С. 241.

тельстве множества ценных архитектурных объектов, сохранившихся в Петербурге с XVIII века (Сампсониевский собор на Выборгской стороне, Иоанновские ворота Петропавловской крепости и др.)⁶.

Судя по переписке М. И. Воронцова, Джузеппе Трезини становится его «домашним архитектором» в 1752 г. В письме от 19 апреля 1753 г. Воронцов велит ему произвести работы по прорубке «першпектив» на даче и добавляет: «как и прошло года я сделать быть намерен». (Кн. 4. 1872. С. 197 – 198).

Дача огораживается забором и решетками, строится ледник, погреб. Устраивается огород, скотный двор, расчищается лес для сенокоса, прорубаются и обсаживаются ивняком «першпективвы», строятся и исправляются мосты, запускается рыба в пруды и т. д. 31 января 1754 г. Дж. Трезини сообщает М. И. Воронцову о перевозке камня, извести с Пудости «в прибавку на строение палат на приморском дворе», а также о намерении приступить к чертежам господского дома («чертежи палатам станем делать»). (Кн. 2. С. 619).

Об этом говорится в начале года, а весь 1754 г. Дж. Трезини еще будет работать у Воронцова и, очевидно, заниматься уже и чертежами.

В 1755 г. архитектор подал в отставку. Воронцов, видимо, остается недоволен его работой. «Трезина я не говорил и не нахожу его за довольно способного для произведения хороших строений», – отвечает он 24 апреля 1757 г. К. Г. Разумовскому в Малороссию в г. Глухов в ответ на просьбу прислать Дж. Трезини. (Кн. 4. С. 384).

Превращение Трезини в «архитекторов Трезиных»⁷ произошло в России в силу исконно русского обычая. В России Доменико Трезини (1670 – 1734) стали звать Андреем, его зятя Карло Джузеппе Трезини (ок. 1700 – 1768) – Осипом, а архитектора Пьетро Антонио Трезини (1710 – 1760-е) Петром⁸. Швейцарцы по происхождению и католики по вероисповеданию, они унаследовали свою фамилию от названия швейцарского местечка Трезино, откуда первоначально происходил род.

В 1752 г. для Кирилла Григорьевича Разумовского, гетмана Малороссии, брата всесильного фаворита императрицы Елизаветы Петровны Алексея Григорьевича Разумовского, Воронцов приглашает из Рима итальянского архитектора Антонио Ринальди. У себя на родине Ринальди, ученик «одного из крупнейших зодчих позднего итальянского барокко» Луиджи Ванвителли⁹, уже зарекомендовал себя как искусный архитектор. Очевидно, по договоренности между М. И. Воронцовым и К. Г. Разумовским в 1755 г. А. Ринальди переезжает в Петербург и «занят каким-то проектом для вице-канцлера». (Кн. 4. С. 290 – 291).

В России он вместе со Старовым, Баженовым, Кваренги, Камероном явился создателем нового классицистического стиля с устойчивыми национальными традициями. Самыми его известными созданиями в Петербурге и его окрестностях

⁶ См.: Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. Л., 1997. С. 996; Биогр. справка о Карло Джузеппе Трезини на сайте, посвященном швейцарским архитекторам в Петербурге (<http://www.stpetersburg2003.ch/architects>).

⁷ Корольков М. Я. Архитекторы Трезини // Старые годы. 1911. № 4. С. 17 – 36.

⁸ В литературных источниках архитектора Пьетро Антонио Трезини (1710 – 1760-е) часто путают с Пьетро Трезини (1710 – 1734), сыном первого архитектора Петербурга. Жизнь сына Доменико Трезини закончилась рано, он не успел проявить себя на архитектурном поприще. См.: Лисаевич И. И. Доменико Трезини. Л., 1986. С. 206 – 207; Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. С. 997. Швейцарцы в Петербурге : Сб. статей / Сост. М. И. Люти, Э. Медер, Е. Тарханова. СПб., 2002. С. 102 – 103.

⁹ Кючарианц Д. А. Антонио Ринальди. Л., 1984. С. 8.

являются Мраморный дворец, Князь-Владимирский собор и костел Св. Екатерины в Петербурге; дворцово-парковые ансамбли в Ораниенбауме и Гатчине; мемориальные памятники и китайские сооружения в Царском Селе. Уже по этому краткому перечню видно превосходного мастера, мягкого, лиричного, с превосходным живописным даром. Уехав в начале 1790-х гг. в Италию уже навсегда, будучи в преклонном возрасте, он, по-видимому, увез с собой личный архив и значительную часть чертежей.

Итак, с 1755 г. Ринальди работает у М. И. Воронцова. 24 июня 1755 г. «Ринальди плана еще не окончил, а обещал оной вскоре изготовить». (Кн. 6. 1873. С. 194).

«... В течение 5 лет, начиная с 1755 г., был построен господский дом, флигеля, служебные корпуса, декоративные и утилитарные строения»¹⁰. Но господский дом скорее всего был построен уже в 1757 г., поскольку с лета этого года М. И. Воронцов уже «наезжал на дачу» (Кн. 4. С. 434) и даже принимал здесь государственных лиц – в частности, отъезжающего поверенного в делах Франции в России Дугласа, которого должен был сменить посол маркиз де Лопиталь. Камерфурьерский журнал за 1759 г. отмечает посещение приморской дачи императрицей. Елизаветой Петровной: «17 числа августа 1759 г. из Царского Села в мызу Его Сиятельства М. И. Воронцова, где соизволили кушать обеденное кушанье и обратно выехать в Петергоф».

«По плану, объемному решению и деталям архитектурного и пластического декора главное здание усадьбы производит двойственное впечатление: в нем соседствуют элементы барочной и классической архитектуры, хотя нам кажется, что классицистическое начало здесь преобладает», – пишет исследователь¹¹.

Центральный вход – южный; северный фасад, смотрящий на залив, отличается лишь окнами четвертого мансардного этажа – они овальные. Первый этаж оформлен наиболее просто и строго. Горизонтальная тяга отделяет его от второго и третьего этажей; углы и простенки в центральной части фасада украшены широкими филенками с гладкими полями. Две центральные филенки плавно переходят в консоли, поддерживающие балкон центрального 3-го этажа (раньше, до Великой Отечественной войны, балкон был на все три центральных окна и без консоли); вертикальным продолжением двух других являются пилястры тосканского ордера, объединяющие 2-й и 3-й этажи. В 3-м этаже по центру три окна разнятся и по форме – они полуовальные с очень нарядными наличниками, в то время как наличники первого и второго этажей украшены замковыми камнями. В центральной части фасада над полуовальными окнами сложный рисунок верхней части наличников повторяется в карнизе, при этом образуется волнистая поверхность, очень украшающая здание. В оформлении фасада используется плоскостная обработка стен с едва выступающими архитектурными элементами – это пилястры и лепные украшения¹².

Двухцветный окрас здания характерен для XVIII в. – белые декоративные элементы на голубом здании придают ему нарядность. Таким образом, дача представляет собой сочетание классицистического стиля (симметричность, плоскостная обработка стен, овальные окна в мансардном этаже, восьмиугольная венчающая

¹⁰ Там же. С. 160.

¹¹ Там же. С. 161.

¹² Самойленко Г. Ю. История и архитектура дачи на Петергофской дороге «Новознаменка»: Дипломная работа. Университет Петербурга, 1994. С. 4 - 5. Рукопись.

здание башня) и стиля уже уходящего, барочного (наличники окон третьего этажа, форма карниза в центральной части, полуовальные оконные проемы).

В интерьерах здания ясно просматривается рука мастера – всем известен живописный дар Ринальди. Исполнителями этих работ были архитектор Бартолиати, зять Растрелли, и декоратор Венерони. М. И. Воронцов остался очень доволен и рекомендовал их К. Разумовскому. 18 сентября 1757 г. Анна Карловна Воронцова в письме в Глухов сообщает, что отправляет его с известными Разумовскому архитекторами Бартолиати и Венерони, которые не могли отлучиться ранее – до окончания «начатого ими нынешнего лета в приморском доме моем строения». (Кн. 4. С. 436). Это лишний раз доказывает, что в 1757 г. была закончена даже внутренняя отделка господского дома.

Так кто же был автором проекта: Джузеппе Трезини или Антонио Ринальди? Сторонники авторства Трезини полагают, что на это указывает как «трактовка архитектурных деталей, совершенно не характерная для Антонио Ринальди»¹³, так и общий характер здания, роднящий его с Трехсвятительской церковью на Васильевском острове.

Церковь во имя Трех Святителей Вселенских (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) была построена в 1740 – 1745 гг. предположительно по проекту Джузеппе Трезини как теплый каменный храм на территории соборной Андреевской, в то время не отапливаемой, деревянной. Само здание мало похоже на церковь. Ценно то, что оно никогда не перестраивалось: однокупольное, украшенное строгими пилястрами и наличниками. Если сравнить снимки дачи и этой церкви, снятые примерно в одном ракурсе, то действительно выявится сходство: 8-гранный стройный вытянутый цилиндр фонарика с покатым невысоким куполом и карнизом, фронтоны входа, пилястры, обрамляющие вход в здание и углы его, форма окон (особенно I и II этажей) и их наличники – все говорит о почерке одного автора.

Джузеппе Трезини, как мы помним, находясь на службе у М. И. Воронцова, подал в отставку в 1755 г. «в связи с нетактичным вмешательством в его домашнюю жизнь»¹⁴. Дело в том, что Комиссия, учрежденная императрицей Елизаветой Петровной при так называемом Калинкином доме, не только боролась с проституцией, но и преследовала всякую «незаконную связь». На Дж. Трезини был сделан донос: пользуясь отсутствием жены, он содержит у себя в доме любовницу – немку Шарлотту Харбург с малолетней дочерью и сестрой. Ее хотели арестовать, но он оказал вооруженное сопротивление. Не имея возможности посадить Шарлотту Харбург как иностранку в тюрьму, ее выслали. Но судно погибло, а предъявленный счет Дж. Трезини отказался оплатить.

Не является ли это косвенной, подспудной причиной забвения первого авторства проекта Господского дома М. И. Воронцова?

Как бы то ни было, переписка Воронцова подтверждает, что работы на начальной стадии – подготовка к строительству и проектированию приморской дачи – была проделана именно Джузеппе Трезини, а само здание строилось уже с 1755 г. по 1757 г. под руководством Антонио Ринальди.

Исходя из всего вышесказанного, наверное, было бы правильнее на памятной доске, установленной у главного входа южного фасада господского дома М. И. Воронцова указать, кроме имени архитектора А. Ринальди, и первого архи-

¹³ Горбатенко С. Б. Петергофская дорога. С. 176.

¹⁴ Корольков М. Я. Архитекторы Трезини. С. 17 – 36.

тектора здания – Джузеппе Трезини, установив тем самым историческую справедливость.

М. И. Воронцов не только ведет активную политическую жизнь, его глубоко интересуют вопросы культуры и науки. Граф собирает великолепную библиотеку, он покровительствует М. В. Ломоносову – поддерживает деньгами его научные работы, способствует возрождению забытого в России искусства мозаики. Из смальты, произведенной на стекольной фабрике, которую Ломоносов также построил с помощью Воронцова, среди прочих многочисленных работ были созданы мозаичное панно «Полтавская баталия» и портрет самого канцлера. «Полтавскую баталию» и сегодня можно увидеть в здании Академии наук на Университетской набережной¹⁵.

5 августа 1757 г. состоялась помолвка единственной и горячо любимой дочери Воронцовых Анны Михайловны (1743 – 1769) с графом А. С. Строгановым. 30 января 1758 г. М. И. Воронцов сообщает Ф. Д. Бахтееву: «на следующей неделе начинаются фрейлинские свадьбы и <...> чтобы Вы к сему дню могли приехать». (Кн. 6. С. 269). Ф. Д. Бахтеев, надворный советник, «домашний человек», обучал Анну Михайловну грамоте вместе с ее двоюродной сестрой Екатериной Романовной Воронцовой (будущей Дашковой). Екатерина Романовна, ее сестра Елизавета (в будущем фаворитка Петра III) и брат Александр рано остались без матери. Анна Карловна относилась к племянникам, как к своим детям. Это воспитание и обучение позволило Екатерине Романовне Дашковой стать в будущем во главе Академии наук.

К сожалению, жизнь дочери в браке складывается несчастливо. В письме к И. И. Шувалову от 4 декабря 1764 г. М. И. Воронцов сообщает: «О негодном зяте было писано мне, что он совсем промотался, лучшие деревни распродал и достальные займы дал; он сверх легкомысленности и ветреного нрава, а так же и злое сердце имеет». (Кн. 32. 1885. С. 54).

К семейным неурядицам прибавляются и политические трудности. В 1761 г. умирает императрица Елизавета Петровна. М. И. Воронцов пользовался особым расположением ее преемника Петра III. Во время переворота Воронцов находился вместе с императором Петром III в Ораниенбауме и был послан им к Екатерине II. Он отказывается присягать Екатерине и принимает присягу, лишь узнав о кончине императора.

Тем не менее, Екатерина II, мудрая, хитрая и умеющая расставлять кадры, видя в Воронцове трудолюбивого и опытного дипломата, оставила за ним прежнюю должность канцлера. Но необходимость согласовывать свои труды по дипломатическим сношениям с Н. И. Паниным и Григорием Орловым, державшимися совсем другой системы взглядов на внешнюю политику, вызывает многочисленные недоразумения. В августе 1763 г. Воронцов уезжает в длительный отпуск за границу и в марте 1765 г. окончательно уходит в отставку¹⁶.

В «С.-Петербургских Ведомостях» за 1766 г. от 2 мая (№ 35) находим объявление: «По Петергофской дороге на 18 версте продается двойная дача его сиятельства канцлера графа М. И. Воронцова с лесом и санными покосами. Дом каменный о 3-х этажах, покрыт железом, с домовыми уборами; разные дворовые каменные и деревянные службы, притом грот, террасы, оранжереи, решетки и столбы камен-

¹⁵ См., например: Алексеев В. Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. С. 34 – 38; Федоров А. С. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711 – 1756. М., 1988. (Глава «Основатель мозаичного искусства в России»).

¹⁶ См.: Сухарева О. В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005.

ные, до 300 саженьей длины прудов, 3 сада, два партера. Так же 6 семей карельских крестьян, в которых мужского пола 16, женского 18 душ».

В 1767 г., 25 февраля, на 54-м году жизни в Москве от долговременной чахотки Михаил Илларионович Воронцов скончался. Великий канцлер России, верный и честный сын ее был похоронен в Москве на Воздвиженке, в храме Крестовоздвиженского монастыря рядом со своими родителями, которым он возвел великолепный памятник из каррарского мрамора.

«В этой церкви с тех самых пор совершаются заупокойные поминовения о покойном графе и всех родственников его по данному раз навсегда памятнику. Ныне, священнослужители этой церкви письмом от 10 января 1892 года сообщают высочайше учрежденному опекунскому управлению над имуществом и делами светлейшего князя Воронцова графа Шувалова, что памятник над могилой графа Михаила Илларионовича Воронцова требует возобновления»¹⁷.

К глубокому сожалению, могила не сохранилась до наших дней. Крестовоздвиженский храм был снесен в 1934 г., и на его месте устроена шахта Метростроя.

Через два года после смерти М. И. Воронцова на 27 году от роду умирает его единственная дочь Анна Михайловна. Этой смертью заканчивается дело о ее разводе с мужем. Одна из причин развода – политические разногласия. А. С. Строганов – сторонник Екатерины II, которая взойшла на престол в результате переворота. Анна Михайловна – дочь сторонника Петра III, крестница императора, подруга и двоюродная сестра его фаворитки¹⁸. Скончалась Анна Михайловна неожиданно, и ходили слухи, что ее муж, А. С. Строганов, хороший знаток химии, мог быть отравителем своей жены и Петра III. Этой версии придерживается и ведущий исследователь рода Строгановых, зав. сектором филиала Гос. Русского музея «Строгановский дворец» С. О. Кузнецов¹⁹. Похоронена Анна Михайловна Строганова в Александро-Невской Лавре. На этом родовая линия М. И. Воронцова прервалась.

Анна Карловна Воронцова после смерти мужа и дочери производит раздел имущества, в результате которого так и не проданная дача в 1769 г. достается двум братьям М. И. Воронцова Роману и Ивану. В «С.-Петербургских ведомостях» за 1770 г. от 19 марта (№ 23) появилось объявление о продаже дачи: «Дом в длину 13, а шириной 8 сажень, о 3-х жильях, покрытых железом, в нем 21 покой со всеми удобствами и мебелью». Также объявлены в продажу и 10 кресел, обитых кожей золотой с серебром, столы дубовые, обои кожаные золотые и серебряные.

Сменилось несколько временных владельцев дачи: действительный статский советник А. Н. Зубов (отец фаворита Екатерины II Платона Зубова); затем А. Б. Куракин, вице-канцлер (во II половине 1790-х гг.), который в свою очередь в 1799 г. продает дачу консулу португальской службы генералу О. П. Валио. И, наконец, в 1803 г. дачу за 63 тыс. рублей для своей жены Марии Алексеевны приобретает Александр Львович Нарышкин (1768 – 1826), обер-камергер и директор императорских театров.

С этого времени большой каменный дом – бывший господский дом М. И. Воронцова – «наполняется мебелью и другими изумительными по роскоши убранствами», оживляется весельем и светскими приемами²⁰. Мария Алексеевна Нарышкина разделяет с мужем его пристрастие к роскоши, шуму и веселью. Сюда,

¹⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 44 (425/495). Д. 30. Л. 30.

¹⁸ Божерянов И. Граф Александр Сергеевич Строганов // Новейший путеводитель по Строгановскому дворцу. СПб., 1995. С. 9.

¹⁹ Кузнецов С. О. Пусть Франция поучит нас «танцевать». Книга первая. СПб., 2003. С. 335.

²⁰ Старицына Г. К Дача Воронцовых на Петергофской дороге. С. 9 – 17.

на приморскую дачу съезжается весь аристократический Петербург, включая императора Александра I.

Здесь 23 июля 1806 г. состоялось первое представление новой комедии И. А. Крылова «Модная лавка» в исполнении лучших актеров А. В. Каратыгина, В. Ф. Рыкалова и др. Французская писательница Анна Луиза Жермена де Сталь, посетившая дачу в 1812 г., пишет в своей книге «Десять лет изгнания» в разделе «Нравы русских вельмож», что дача А. Л. Нарышкина всегда открыта для всех, и если там присутствует только 20 человек, то хозяин чувствует себя в «философском уединении». Здесь же для улады публики устраиваются концерты роговой музыки. Крепостных выстраивали по «росту» их инструментов, от которого зависел тон звука. Оркестр набирался из десятка труб-рогов разной длины, подобно органу, потому и назывался «живым органом».

Бывал на даче и Вильгельм Карлович Кюхельбекер. В своем «Дневнике» в 1833 г. он вспоминает о «кругообразном» солнечном затмении, которое видел осенью 1820 г.: «Я смотрел на него на даче Ал. Льв. Нарышкина, что в 13 верстах от Петербурга по Стреленской дороге»²¹. Скорее всего, это происходило перед поездкой во Францию, куда Кюхельбекер по рекомендации Дельвига отправился в качестве секретаря Нарышкина²².

С 1820 г. Александр Львович большую часть времени проводит за границей, а в 1826 г. умирает в Париже, передав дела своему сыну Льву Александровичу (1787 – 1846). Имение, построенное на пяти соединенных рядом лежащих участках, в 1829 г. распродается.

Интересующая нас часть имения была приобретена тайным советником Петром Васильевичем Мятлевым (1756 – 1833). Еще в екатерининские времена Павел Васильевич стал директором Ассигнационного банка (с 1794 г.), но к моменту покупки дачи был уже в отставке. Прекрасно образованный, остроумный и веселый человек, известный коллекционер, он купил эту дачу по желанию своей жены Прасковьи Ивановны Мятлевой, урожденной Салтыковой (1772 – 1859).

Старшая дочь фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова и графини Дарьи Петровны Чернышевой была хорошо образована, известна своей любовью к театру. Сама обладавшая сценическим талантом и принимавшая участие в придворных спектаклях в Эрмитажном театре, Прасковья Ивановна свою приморскую дачу, как и дом в Петербурге, сделала самой гостеприимной и охотно посещаемой. Она унаследовала богатства отца и деда – двух фельдмаршалов Салтыковых, а И. П. Салтыков уже ранее владел одним из пяти участков будущей Новознаменки. Таким образом, происходит присоединение к родовому гнезду еще одной дачи. С этой покупки усадьба стала носить название «Ново-Знаменки» в отличие от «Знаменки», дачи Мятлевых вблизи Петергофа, которая позже, в 1835 г., будет продана Николаю I.

Чета Мятлевых жила широко, хлебосольно и гостеприимно. Павел Васильевич был дружен с Фонвизиним, Дмитриевым, Карамзиным. Прасковья Ивановна была отличной хозяйкой и умела вести дела. Для устройства своей новой приморской дачи и самого господского дома она приложила много стараний и забот. Их сын, Иван Петрович Мятлев (1796 – 1844) – известный поэт, друг Пушкина, Вяземского, Жуковского.

²¹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 256 – 257.

²² См.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969. («Путешествие Кюхельбекера по Западной Европе в 1820 – 1821 гг.»).

Служа в Министерстве финансов, Иван Петрович Мятлев все свободное время отдавал сочинительству. Легко владея стихом, И. Мятлев в творчестве и жизненном поведении создал собственный стиль, совмещающий пародийность и намеренное графоманство. Как пародист он прямой предшественник юмористической «фирмы» Козьмы Пруткова, состоящей из А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых. После неуспеха двух сборников, вышедших в 1834 – 1835 гг. с характерной надписью «Уговорили выпустить», Мятлев приобрел известность своей поэмой «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей – дан л’этранже». Так называемый «макаронический стиль» этой поэмы, представляющий собой смесь «французского с нижегородским», вместе с пародийной направленностью его поэзии нашел свое продолжение в творчестве поэтов-обериутов (1920-е гг.) и, в частности, у Николая Олейникова²³.

Мятлев был и хорошим лирическим поэтом. Известная строка, по которой мы сразу узнаем стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы!», является началом первой строфы стихотворения Ивана Мятлева «Розы»:

«Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!..»

Летние ночи в Новознаменке продиктовали Ивану Петровичу его известное стихотворение «Соловьям Новознаменского» (ок. 1840 г.), где ярко проявился его дар смешения лирического настроения и забот каждодневности:

... Что делать? Ночи ясные,
Мечтанья сладострастные,
Небес обширный свод
И трели перелетные
Вам, птички беззаботные,
А мне – Законов свод!

Конечно, приморская дача всегда была привлекательна для деятелей искусства и литературы. Так летом 1866 г. здесь отдыхал молодой Чайковский, заканчивая свою первую симфонию, которую он назвал «Зимние грезы».

О художественных богатствах Новознаменского дворца слагались легенды. Мятлевым удалось не только сохранить, но и преумножить славу усадьбы. Художественные коллекции Новознаменки впечатляюще описаны М. И. Пыляевым: это драгоценная мебель различных исторических эпох и стилей, китайский фарфор и эмали, античные камеи, собрание ценного оружия, исторические редкости, включая коллекцию автографов, жанровая и портретная живопись различных стран и эпох. Нас особенно будет интересовать картина Рафаэля «Мадонна с младенцем Христом», приобретенная П. В. Мятлевым в Риме в 1807 г. за огромные деньги, т. к. пришлось купить ее вместе со всей галереей и добиться на ее вывоз разрешения самого Папы Пия VII²⁴.

Воспроизведения картины, висевшей когда-то в Новознаменке²⁵, говорят о том, что скорее всего это была авторская копия с картины Рафаэля, известной под

²³ Подробнее см.: Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 487. (Николай Олейников).

²⁴ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. С. 167 – 168.

²⁵ См., например: Рожков А. М. На юго-западе Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 84.

названием «Мадонна Альба». Судьба «Мадонны Альба» до того, как в 1836 г. Николай купил ее для Эрмитажа, прослежена в «пушкинском» выпуске журнала «Наше наследие» № 3 за 1999 г. Там же сообщается о том, что ценное собрание западноевропейской живописи, приобретенной Мятлевыми в 1807 г. в Италии ради картины Рафаэля, в 1920-х гг. поступило в Эрмитаж²⁶. Очевидно, в музей собрание попало уже из дома № 9 по Исаакиевской площади, куда Владислав Иванович Мятлев перенес впоследствии предметы истории и искусства, которые находились в Новознаменке. Видимо, и мятлевская «Мадонна с младенцем Христом» также оказалась в Эрмитаже, но ее судьба сейчас неизвестна.

А «Мадонна Альба» почти век украшала экспозицию итальянского искусства. В 1928 г. вместе с 28-ю другими экспонатами исключительной ценности она была продана за рубеж. Об этом факте Государственный Эрмитаж сообщил на своем сайте, рассказывая о судьбе картины к открытию 3 сентября 2004 г. выставки из цикла «Шедевры музеев мира в Эрмитаже: Рафаэль “Мария с младенцем и Иоанном Крестителем” (“Мадонна Альба”)» из собрания Национальной галереи (Вашингтон, США)²⁷.

В 70 – 80-х годах XIX в. уже сыном И. П. Мятлева камер-юнкером Владиславом Ивановичем Мятлевым для размещения коллекций делаются пристройки к дому с востока и запада. Именно эти о трех этажах застекленные веранды так испортили вид старого Воронцовского дома – они как бы приземлили, расплющили это здание. Большая, огромная по тем временам библиотека Мятлева, насчитывавшая 18 тыс. томов, в основном на французском языке, стала храниться во вновь отстроенном Готическом доме, стоящем напротив основного.

Неожиданно умерший в 48 лет Иван Петрович Мятлев был похоронен рядом со своими родителями недалеко от Новознаменки, в Троице-Сергиевой Пустыни, кладбище которой в то время было самым большим и красивым в Европе. К сожалению, в советское время оно было практически уничтожено. В ходе археологических исследований в конце 1990-х гг. могила Ивана Петровича Мятлева была обнаружена на месте раскопок монастырской ризницы. В подполье ризницы, построенной на средства Прасковьи Ивановны Мятлевой по проекту архитектора Горностаева в 1849 г., и находился фамильный склеп Мятлевых. Всего в фамильной усыпальнице было 12 захоронений, большинство из которых не сохранилось²⁸.

Надо сказать, что имя поэта И. П. Мятлева не забылось. Его основные произведения вышли в академической серии «Большая библиотека поэта» в 1969 г.²⁹ Для сегодняшнего дня показательно, что в рунете это имя упоминается 15 200 раз. Общеизвестно, что Булат Окуджава имя близкого ему поэта дал главному герою своего любимого романа «Путешествие дилетантов». Влиянию И. П. Мятлева на поэтику Окуджавы посвящены страницы научного исследования³⁰.

В 1888 г. дача Воронцова – Нарышкина – Мятлевых перестает быть частным владением. Дети И. П. Мятлева – Петр, ротмистр, и Владислав, камер-юнкер, – передают ее в собственность Попечительства императрицы Марии Александровны о

²⁶ Мосякин А. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. 1999. № 3. С. 34.

²⁷ См.: www.hermitagemuseum.org/html_Ru/04/2004/hm4_1_83.html.

²⁸ См.: Коренцвит В. «Как хороши, как свежи были розы...» // С-Петербург. ведомости. 1999. 13 февр. С. 5.

²⁹ Мятлев И. П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Л.: Сов. писатель, 1969.

³⁰ Абельская Р. А. Поэтика Булата Окуджавы : Истоки творческой индивидуальности : Автореф. канд. диссертации. Екатеринбург, 2003.

слепых за 300 тыс. руб. Но уже 1 февраля 1892 г. последовало высочайшее соизволение на уступку за единовременную плату в 90 тыс. руб. «в постоянное пользование г. С.-Петербурга без передачи права собственности, принадлежащей Попечительству Императрицы Марии Александровны о слепых Новознаменской дачи для призрения хронических душевных больных»³¹. 1 сентября 1892 г. дача фактически поступила в ведение города С.-Петербурга. Запись об этом мы находим в «Кратком отчете о постройках в городской больнице-колонии на Новознаменской даче», зачитанной председателем М. П. Боткиным на акте 17 мая 1898 г.

В Готическом доме расположилась контора больницы, в главном же здании (бывшем господском доме М. И. Воронцова), занимаемом больными женщинами из высших слоев общества, еще и в 1911 г. были «видны ясные следы былого величия: это и 2-хсветный зал с оригинальными печами и этажерками, стильные комнаты, потолочные и стенные орнаменты и живопись, мраморные камины, колонны, множество окон, зеркал и пр.»³²

Количество больных увеличивалось и достигало уже 400 человек. Были возведены новые постройки, каменные и деревянные; часть из них сохранилась до сих пор. Больничная домовая церковь не вмещала всех желающих, и в 1898 г. на средства Государственной думы была построена новая каменная одноэтажная Знаменская церковь. В «Знаменской церкви идея *терпения* и *вечном спасении* очень ярко выражена, что *успокоительно* для больных»³³.

В Новознаменской больнице последние два года своей жизни провел писатель Глеб Успенский, здесь он умер 24 марта 1902 г.³⁴

Известно, что сохранность здания в значительной степени зависит от того, кто им владеет. И конечно же, утилитарное назначение здания создавало огромную опасность для его архитектурных и художественных ценностей. Так, в 1908 г. был задуман капитальный ремонт здания и только вмешательством Императорской археологической комиссии, которая в прошении от 12 августа 1908 г. посчитала своим долгом уведомить губернатора Санкт-Петербурга о «большой художественной ценности зданий как по своей внешней архитектуре, так и по внутренней отделке», удалось этот ремонт остановить³⁵.

Архитектурная и научная общественность пыталась бороться за сохранность Новознаменки. Бывший господский дом, особенно его интерьеры, значительно обветшал и претерпел изменения, о чем свидетельствовал доклад техника С. В. Беляева, прочитанный в Императорском обществе архитекторов-художников 15 октября 1915 г.³⁶

Трехмаршевая парадная лестница, неременный атрибут входной части здания-особняка, перестроена в двухмаршевую, отделенную каменной стенкой от вестибюля. На первом этаже сохранился ряд комнат «с разнообразной и весьма любопытной отделкой». Отлично сохранившиеся помещения заняты аптекой: стены, по

³¹ Наумов Ф. А. Краткий очерк развития и деятельности за 10 лет СПб городской больницы-колонии для душевнобольных на Ново-Знаменской даче. СПб., 1903. С. 4 – 5.

³² Щуко В. А. Редкое богатство больницы // Старые годы. 1911. № 9. (То же // Петерб. газета. 1911. 5 сент.)

³³ Троицкий П. Церковь Знамения Божьей матери, что в С.-Петербургской больнице-колонии на Ново-Знаменской даче // Известия С.-Петербургской епархии. 1908. № 3. С. 11 – 21.

³⁴ Михайлова С. Б. Глеб Успенский в Петербурге. Л., 1987. С. 245 – 246.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 256. Оп. 28. Д. 501. С. 1 – 3.

³⁶ Беляев С. В. Художественная старина Новознаменской дачи // Архитектурно-художественный ежегодник. 1915. № 33. С. 385 – 389.

всю высоту покрытые деревом с тонкой резьбой; изящный мраморный камин; оконные притолоки, отделанные деревом; зеркальное панно и лепные плафоны в деревянных кессонах, разбитых в диагональном направлении.

В другой стороне здания сохранились 3 смежных помещения, из которых среднее, ранее малая гостиная, служит бельевой. Эта комната представляет «выдающийся интерес»: в глубине ее – сферическая ниша-альков, декорированная двумя нарядными колоннами высокого художественного достоинства. Росписям в нише, однако, грозят уничтожением протечки свода. Здесь изумительные по своей красоте двери, «одна из дверей комнаты находится в музее Старого Петербурга».

С другой стороны к бельевой примыкает помещение более просто, но изящно отделанное, со стенами из искусственного мрамора, с «деликатной» лепкой. Рядом с бельевой располагается китайская комната со стенами, сплошь покрытыми расписными китайскими панно на металлических листах в деревянных рамах. Здесь наиболее оригинален плафон, где по расписному, изображающему небо фону «расположены причудливого, но смелого рисунка птицы и бабочки, наклеенные на плафон». По мнению Беляева, это грубые подделки более позднего времени.

Второй этаж имеет антресольный характер и, вероятно, в прошлые времена предназначался для второстепенных и служебных помещений.

В третьем этаже располагается двухсветный зал, «сохранивший свою обработку, но, к сожалению, уже в виде, близком к разрушению». Зал перекрыт большим сводом, нарядно и с большим вкусом декорированным, но штукатурка, отчасти вследствие протечек от расположенного на чердаке бака, из которого «снабжаются водой ванны и ватерклозеты», держится настолько слабо, что для безопасности на случай ее падения натянута сетка по всей площади зала. В этом же зале еще сохранились в хорошем состоянии две круглые печи стиля Людовика XVI.

Что касается внешнего вида дома, то «при сравнительно небольшом ремонте фасада можно будет сохранить его на продолжительное время».

Архитектор В. А. Щуко в 1911 г. писал о том, что здание больницы – «прямотаки драгоценный памятник старины XVIII в., где чудом уцелели внутренние отделки, даже фресковая живопись, старинные предметы», и ходатайствовал о сохранении здания и передаче наиболее ценных вещей в «Музей Старого Петербурга»³⁷.

А. Коробов и А. Рославлев в своих статьях в свою очередь добивались, чтобы были изолированы и заперты наиболее ценные и интересные комнаты – малая и «китайская» гостиные.

После 1917 г. больницу закрыли, не успев сделать даже небольшой ремонт. Здесь разместили Третью сельскохозяйственную колонию. Больничные корпуса были отведены для заключенных, в главном здании при содействии Нарвского районного Совета был организован клуб, в Готическом доме разместилась контора. Здание деревянной церкви-столовой отвели под театр, при этом алтарь был закрыт большим деревянным щитом, а сцену устроили напротив алтаря.

В 1936 г. колония была преобразована в Новознаменскую трудовую колонию для несовершеннолетних при НКВД. Главный каменный дом с участком отошел к молочно-огородному совхозу «Пролетарский труд» при Кировском заводе, в здании жили рабочие и служащие завода.

И в советское время специалисты пытались продолжить борьбу за сохранение остатков интерьеров и экстерьеров здания. Об этом подробно рассказывает

³⁷ Щуко В. А. Редкое богатство больницы. С. 58.

прекрасный архитектурный исследователь Н. Николаев³⁸, погибший от голода в блокаду.

В. Шуко представил в Архитектурный музей при Академии художеств сделанные им чертежи, а также акварели с плафонов. Архитектор В. А. Таубер в 1936 г. составил первичный паспорт на дачу с кратким архитектурным описанием фасадов двух каменных домов – господского и Готического. Архитектор В. А. Максимов, представитель Отдела охраны памятников, 25 марта 1938 г. писал о том, что здание находится в полуразрушенном состоянии, указывал на протечки, сырость, разрушение полов.

В 1939 г. вновь обращается внимание на плачевное состояние художественной отделки Новознаменского главного дома, на необходимость произвести архитектурные обмеры и реставрационные работы, восстановить в должном виде фасады. Рассуждая о вариантах окраски дома, Н. Николаев опирается на мнение о постройке дома в середине 50-х гг. XVIII столетия, когда в окраске зданий господствовал вкус Растрелли.

Но наступает Великая Отечественная война, и в конце сентября 1941 г. немцы были уже в Стрельне...

Послевоенное восстановление дома Воронцова из руин производилось по проекту очень серьезного и вдумчивого реставратора Михаила Михайловича Плотникова (1901 – 1992) и его учеников³⁹. Плотников окончил Академию художеств в 1943 г., был участником войны и послевоенного возрождения Ленинграда и его окрестностей, прославился как выдающийся архитектор-реставратор Китайского дворца в Ораниенбауме, Шуваловского дворца на Фонтанке, 21 (Дома Дружбы) и др.

Приморская историческая дача, господский дом канцлера России М. И. Воронцова в 1960 г. получил второе рождение, возродился из пепла! И теперь эта жемчужина усадебной архитектуры XVIII в. является украшением Петергофской дороги, ставшей в 2003 г. правительственной трассой в связи с восстановлением к 300-летию С.-Петербурга Константиновского дворца в Стрельне – резиденции Президента России.

К глубокому сожалению, мечта о восстановлении интерьеров здания не могла осуществиться. В нем долгое время размещались административные службы Всесоюзного научно-исследовательского института автоматизации промышленности строительных материалов (ВИАСМ – ВНПО «Союзавтоматстром»); тут же размещалась одна из кафедр Технологического института им. Ленсовета. Не украсил это место и современный неуклюжий железобетонный корпус для сотрудников института на другой стороне ул. Чекистов, напротив главного дома бывшей дачи.

В 1991 г., когда началась перестройка и поначалу «потекли» инвестиции из-за рубежа, первый мэр города Анатолий Александрович Собчак отдал это здание для детей приезжающих инвесторов. Теперь это лучшая в городе негосударственная школа при Педагогическом университете им. Герцена – «Международная школа-пансионат», в которой учатся также и российские детей со всех концов страны. Здесь стараются возродить дух этого здания и на основе исторических знаний пробудить к нему интерес и любовь воспитанников.

В 1995 г. под руководством академика архитектуры Т. А. Славиной проводилась экспертиза зданий-памятников на территории усадьбы «Новознаменка». Было

³⁸ Николаев Н. Историческая справка. Новознаменка. 1941. Архив ГИОП. Н – 255.

³⁹ Зодчие Санкт-Петербурга. XX век. СПб., 2000. С. 683 – 686.

признано, что целостностью обладает лишь «ядро» усадьбы – господский дом М. И. Воронцова. Готический дом – буфер между дворцом и корпусом «Союзавтоматстрома» – должен быть сохранен «по условиям градостроительства». В заключение был вынесен вердикт: «Историко-ландшафтный комплекс Новознаменки перевести в разряд *местного* значения». Увы, это дает возможности к дальнейшим перепланировкам здания. На него, воссозданное из пепла 50 лет назад и теперь так требующее ремонта, печально смотреть. Непрезентабелен его северный фасад, смотрящий на «правительственную» дорогу, по которой едешь, как по маслу.

Остается только надеяться, что и наш «господский дом» не останется без внимания.

Ведь бережно относясь к прошлому, мы заботимся о будущем!

Это так важно – передать любовь и трепетное отношение к городу, к его истории своим потомкам, особенно к такому городу как Санкт-Петербург.